

У КОЛІ СУЧАСНИХ ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧИХ СТРАТЕГІЙ

Владислава Багнюк

РИТУАЛИЗАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ И МАСКА КАК ВЕДУЩИЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРСОНАЖЕЙ ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»

В центрі уваги автора статті – місце опозиції «природність – гра» у розкритті як характерів персонажів повісті Ф. М. Достоевського, так і авторської філософії людини, яку втілено у художній твір. Докладно проаналізовано поведінку Єгора Ростаньова, Фоми, генеральші Крохоткіної. Запропоновано типологію персонажів.

Ключові слова: *повість, комунікативні стратегії, маска, ритуальність поведінки, Ф.М. Достоевський*

В произведениях Ф. М. Достоевского доминирует идея общения: его герои, что бы с ними ни происходило, не представляют себе ситуации, что им не к кому будет обратиться, чтобы быть выслушанными. М. М. Бахтин объясняет эту особенность большого русского романа (романы Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского) глубокой внутренней социальностью литературы. Достоевский и Толстой противостоят «идеалистической (индивидуалистической) культуре, культуре безысходного одиночества, – писал он. И добавлял, что они утверждают «невозможность одиночества, иллюзорность одиночества. Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться... Быть – значит быть для другого и через него – для себя» [1, 141-142].

Цель нашей статьи – изучить такие коммуникативные стратегии в повести Ф.М. Достоевского, как ритуализация поведения и маска. Автор (или в нашем случае рассказчик) может не давать полной характеристики того или иного персонажа, но то, как герой проявляет себя в общении, то есть его коммуникативное поведение, многое о нём говорит и дополняет его характеристику. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» героев можно разделить на две группы: те, чьё поведение ритуализировано и те, чьё поведение неритуализировано.

Первым из обитателей села Степанчиково в произведение вводится образ дядюшки Сергея Александровича, полковника Егора Ильича Ростанева. Повесть начинается с его жизнеописания. Это жизнеописание содержит характеристики, обращающие на себя внимание читателя: «Есть натуры **решительно всем довольные и ко всему привыкающие**; такова была именно натура отставного полковника. Трудно было себе представить **человека смиреннее и на всё согласнее**. <...> он был так **добр**, что в иной раз готов был решительно всё отдать по первому спросу...» [2, 157-158]. Доброта – несомненно, ценное и позитивное качество, но в случае с полковником Ростаневым это доброта со знаком минус, поскольку она соединяется с приспособленчеством и соглашательством. Можно быть добрым человеком, умея при этом отстаивать свои интересы, но Егор Ильич добр себе во вред. Сергей Александрович прямо говорит о том, что нередко какой-нибудь подлец мог воспользоваться добротой Егора Ильича, одурачить его и втянуть в какое-то неблагородное

дело. Кроме того, он полностью подчиняется воле своей выжившей из ума матушки, а также воле деспота и манипулятора Опискина.

Примечательно также описание внешности полковника Ростанева: «Наружности он был богатырской: высокий и стройный, с румяными щеками, с белыми, как слоновая кость, зубами, с длинным тёмно-русый усом, с голосом громким, звонким и с откровенным, раскатистым смехом...» [2, 158]. Очевидна доля комизма в портрете и поведении Егора Ильича (несоответствие формы и содержания). Человек богатырской наружности, к тому же ещё и военный, который, на первый взгляд, должен быть с сильным характером, волевым и смелым на деле оказывается безвольным, ведомым и трусом.

Остановимся более подробно на характеристике его манеры говорить. Повествователь сообщает о дядюшке: «...говорил отрывисто и скороговоркою». Подобное свидетельствует о нерешительности этого богатыря. Неуверенный в значимости своих слов, привыкший к тому, что его обрывают, игнорируют его мнение, а зачастую и осмеивают, Егор Ильич и сам перестал придавать вес своим словам. Внутреннее беспокойство, опасение издевок со стороны не только матери, но и ее приживалов, проявляется в отрывистости, отсутствии логической завершенности его речи. В то же время Сергей Александрович, не отрицая слабости и бесхарактерности своего дядюшки, не умаляет его достоинств: «...он не остановился бы перед обязанностью, перед долгом и в этом случае не побоялся бы никаких преград. <...> Впрочем, бесхарактерен и малодушен он был единственно, когда дело шло о его собственных выгодах, которыми он пренебрегал в высочайшей степени...» [2, 168].

Следует обратить внимание также на то, что поведение полковника лишено какой-либо ритуальности. Он искренен во всех своих эмоциях. Егор Ильич - это тот человек, который по природе своей просто не умеет лгать и притворяться. Это проявляется и в его речевом поведении. Ростанев настолько боится быть уличённым во лжи (даже в мелкой), что порой безпричины извиняется перед собеседником за то, что (как ему кажется) сказал неправду: «- Я, братец, сам виноват, - говорит он, бывало, кому-нибудь из своих собеседников, - во всём виноват! Вдвое надо быть деликатнее с человеком, которого одолжаешь... то есть... что я! Какое одолжаешь!.. опять соврал! Вовсе не одолжаешь; он меня, напротив, одолжает тем, что живёт у меня, а не я его!» [2, 169]

Не менее значительную роль в произведении играют Фома Фомич Опискин и мать Егора Ильича генеральша Крахоткина. В начале повести Сергей Александрович задаётся вопросом: как Опискину удалось подчинить генеральшу своему влиянию? Постараемся ответить на этот вопрос путем анализа их коммуникативного поведения. У нас есть основания сделать вывод о том, что нет ничего удивительного в том, что эти двое нашли общий язык, поскольку оба являются манипуляторами. Манипуляция – это скрытое психологическое воздействие, при котором жертва манипуляции вопреки собственной воле совершает действия, нужные тому, кто на нее воздействует. Их способы манипуляции схожи: они добиваются своего, демонстрируя собственную слабость, беспомощность, а тем самым, вызывая у окружающих чувство вины за недостаточность внимания к «страдальцам», потребность заботиться о них. Итак, есть основания говорить о маске как о модели поведения и риторическом приеме, используемом этими персонажами.

По словам Т. А. Чеботниковой, роль-маска – это «поведение, которое не отражает, а изображает внутреннее состояние или положение вещей. Моделирование маски осуществляется с ориентацией на зрителя, который воспринимается ею как мишень воздействия на определенные типологические признаки, свойства, качества, формы

поведения стереотипного характера, в данном случае принимаемые за основу. Роль-маска актуализируется в ситуациях, когда говорящий сознательно создает свой образ, отвечающий представлениям социальной среды, нивелируя при этом свои истинные качества и свойства. Выбирая и исполняя роль-маску, индивид просчитывает реакцию мишени своего воздействия, ориентируясь в его нормативной системе...» [6,139]. В случае с генеральшей и Фомой Фомичом мы имеем дело с маской страдальца. Мишень – присутствующие в доме обитатели, гости. Цель использования роли-маски – принуждение окружающих к повышенному вниманию, участию, забвению себя ради страдальцев.

«Бывало, - сообщает рассказчик, - генеральша вдруг, ни с того ни с сего, покатится на диване в обморок. Подымется беготня, суетня. <...> Но как-то так случалось, что генеральша всегда оживала» [2, 164]. У Фомы Фомича тоже есть свой способ добиться желаемого. Им определено его речевое поведение: включение слов и словосочетаний, которые традиционно связаны с убожеством не только своей семантикой, но и формой (не просто «черный хлеб», но с уменьшительным суффиксом «хлебец»; «убогий странник» и так далее), «звуковое оформление» речи (использование протяжных, высоких, неприятных слуху звуков, визжание, напоминающее высокие тона при игре на скрипке, «пиление»): «Чуть что не по нём – вскочит, завизжит: „Обижают, дескать, меня, бедность мою обижают, уважения не питают ко мне!“ Без Фомы к столу не смей сесть, а сам не выходит: „Меня, дескать, обидели; я убогий странник, я и чёрного хлебца поем“. Чуть сядут, он тут и явился; опять пошла наша скрипка пилить: „Зачем без меня сели за стол? Значит, ни во что меня почитают“. Словом, гуляй душа!» [2, 184] В обоих случаях (и в случае генеральши, и Фомы) цель одна – привлечь к себе внимание, вызвать чувство вины у полковника, который пойдёт на всё, лишь бы избежать очередного «приступа» у своей матушки и очередной «обиды» Фомы. Ведь, как сообщает нам рассказчик, полковник Ростанев был человеком неконфликтным и не выносил шума и крика в доме.

Поведение генеральши и Фомы полностью ритуализировано. То есть, всё, что они говорят и делают, происходит будто бы по сценарию, по определённом шаблону, потому что так принято, а к тому же потому, что это подчеркивает бедственность их положения и провоцирует присутствующих на усиление заботы о «страдальцах». К примеру: «...в качестве недавней вдовы, генеральша **считала своею обязанностью** в неделю раза два или три впадать в отчаяние при воспоминании о своём безвозвратном генерале» [2,163]. То есть, она не горевала на самом деле, а демонстрировала, что горюет.

В поведении Крахоткиной и Опискина присутствует много элементов театральности. Исследователь А. В. Олянич, рассматривая театральность в политическом дискурсе, отмечает, что она представляет собой категорию «выполняющую функцию презентации и самопрезентации политических акторов для воздействия на широкий социум с целью обретения, укрепления и удержания политической власти» [5]. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» речь о политике, конечно, не идёт, но Фома Опискин воздействует на обитателей поместья Ростанева именно с целью обретения и удержания власти над ними. Хотя, можно также предположить, что Фома является пародией на политического деятеля, а именно – на императора Николая I. Повесть написана в 1859 году, то есть в то время, когда уже четыре года как правил Александр II, но великим реформам этого императора ещё только предстояло осуществиться, следовательно, в Российской Империи сохранялись ещё николаевские устои. То есть, в своей повести, написанной после ссылки, Ф. М. Достоевский посмеялся над режимом, отправившим его на каторгу и, в

частности – над императором Николаем I, который был непреклонен, суров и порой даже деспотичен по отношению к подданным. Этими же качествами обладает и Опискин. Разница лишь в том, что Николай Павлович правил Россией, а Фома Фомич, фактически, является локальным самодержцем в Степанчиково.

Но, вернёмся к коммуникативному поведению. Одним из главных элементов театральности является потребность в зрителе. Именно это мы можем наблюдать в поведении Крахоткиной и Фомы: им обоим всегда нужен зритель. Генеральша нуждается в ком-то, перед кем она могла бы разыгрывать безутешную вдову или обиженную мать: «Иногда, **особенно при чьих-нибудь посещениях**, подозвав к себе своего внука, маленького Илюшу, и пятнадцатилетнюю Сашеньку, внучку свою, генеральша сажала их подле себя, долго-долго смотрела на них грустным, страдальческим взглядом, как на детей, погибших у *такого отца*, глубоко и тяжело вздыхала и наконец заливалась безмолвными таинственными слезами по крайней мере на целый час» [2, 163]. Опискину же аудитория нужна для того, чтобы лишний раз потешить своё самолюбие и оттачивать красноречие: «Он и в шутках составил себе кучку благоговевших перед ним идиотов. Только чтоб где-нибудь, как-нибудь перевенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться – вот была главная потребность его!» [2, 166]. Фома Фомич даёт наставления полковнику, толкует о литературе с гостями, собравшимися в столовой за чаем, говорит с крестьянами. При этом он, подобно софистам, которым возражал в своих диалогах о риторике Платон, заботился не о том, чтобы в его словах была истина, а о форме, которая придавала бы убедительность его речам. «И вот раз он зашёл на гумно; поговорив с мужичками о хозяйстве, **хотя сам не умел отличить овса от пшеницы**, сладко потолковав о священных обязанностях крестьянина к господину, коснувшись слегка электричества и разделения труда, **в чём, разумеется, не понимал ни строчки**, растолковав своим слушателям, каким образом земля ходит около солнца, и, наконец, **совершенно умилившись душой от собственного красноречия**, он заговорил о министрах» [2, 170]. Примечательно, что Фома выбирает себе таких слушателей, которые хотя бы немного глупее него, тех, кто, в силу недостатка образования, просто не сможет изобличить невежества самого Фомы. Именно поэтому Опискин избегает каких-либо диалогов с Сергеем Александровичем. Ведь наш рассказчик человек хотя и молодой, но получивший прекрасное образование и хорошо разбирающийся не только в минералогии (которой непосредственно занимался), но также знающий толк и в литературе (в которой мечтал проявить себя и Фома Фомич), философии и проч. И если бы между Сергеем и Опискиным состоялся разговор, последний был бы разоблачён с первых минут.

Фома всегда и со всеми ведёт себя надменно, будь то господа или дворовые люди. Вот, к примеру, разговор Опискина с крестьянами: «- А што, батюшка, много ль ты царского-то жалованья получал? – спросил его вдруг один седенький старичок, Архип Короткий по прозвищу, из толпы других мужичков, с очевидным намерением подольститься; но Фоме Фомичу показался этот вопрос фамиллярным, а он терпеть не мог фамиллярности.

- А тебе какое дело, пехтерь? – отвечал он, **с презрением поглядев на бедного мужичонка**. – Что ты мне моську-то свою выставил: плюнуть мне, что-ли в неё?

<...>- Вишь ты! Так это ты Казань-то обстроил, батюшка? – продолжал удивлённый мужик.

Мужики вообще дивились на Фому Фомича.

- Ну да, и моя там есть доля, - отвечал Фома, **как бы нехотя, как будто сам на себя досадуя, что удостоил такого человека таким разговором**. [2, 170-171].

Одним из противников Фомы Опискина и в то же время одной из его жертв является Степан Алексеевич Бахчеев, помещик, приятель полковника Ростанева и бывший его сослуживец. С первого же момента появления господина Бахчеева в произведении обозначается такая особенность его поведения, в том числе и речевого, как эмоциональность. Он живо и с любопытством реагирует на всё происходящее. Речь Степана Алексеевича всегда экспрессивна. Отсюда - обилие восклицательных предложений в ней. Этот герой часто использует в своей речи различные пословицы и поговорки для описания тех или иных лиц и событий, а также для выражения своего отношения к ним. Это характеризует Бахчеева, как человека, который не сковывает себя какими-либо правилами общения, приличиями, которые принято было соблюдать среди дворянства и особенно в высшем свете. Ведь жизнь дворян была полностью регламентирована: определённые правила этикета, общения (дворянину в разговоре следовало быть сдержанным, держать под контролем свои эмоции, чего мы не наблюдаем в поведении Бахчеева), обязательное образование, знание иностранных языков (в особенности французского) и проч. Степан Алексеевич Бахчеев открыто смеётся над этими устоями. К примеру, он высмеивает стремление Фомы Опискина обучить крестьян французскому языку. Знание французского Бахчеев находит бесполезным не только для крестьян, но и для дворянства: «А на что холопу знать по-французски, спрошу я вас? Да на что и нашему-то брату знать по-французски, на что? С барышнями в мазурке лимонничать, с чужими женами апельсинничать? Разврат – больше ничего! А по-моему, графин водки выпил – вот и заговорил на всех языках. Вот как я его уважаю, французский-то ваш язык!» [2, 182]. Бахчеев также с пренебрежением относится к людям, которые пошли по пути науки: «Все вы прыгуны с вашей учёной-то частью. Вам бы только на одной ножке поприсесть да себя показать! Не люблю я, батюшка, учёную часть; вот она у меня где сидит! Приходилось с вашими петербургскими сталкиваться – непотребный народ! Всё фармазоны; неверие распространяют; рюмку водки выпить боится, точно она укусит его – тьфу!» [2, 183]

В то же время, если же проследить поведение господина Бахчеева от начала и до конца повести, то становится ясно, что его эмоциональность и вспыльчивость – лишь защитная реакция, маска, которой он прикрывает свою слабохарактерность. Этим Степан Алексеевич очень похож на своего друга, Егора Ильича Ростанева. Но, в отличие от полковника, который пытается найти всевозможные оправдания своей слабости, Бахчеев открыто признаётся в ней и откровенно говорит Сергею Александровичу, что ничего не может поделать со своим характером: «В том-то и горе моё, что я тряпка, а не человек! Недели не пройдёт, а я опять туда поплечусь. А зачем? Вот подите: сам не знаю зачем, а поеду; опять буду с Фомой воевать. Это уж, батюшка, горе моё! За грехи мне господь этого Фомку в наказание послал. Характер у меня бабий, постоянства нет никакого! Трус я, батюшка, первой руки...» [2,188]. К концу повести мы понимаем, что господин Бахчеев и правда непостоянен, ведь в финале он также поддаётся влиянию Фомы Опискина.

В четвертой главе повести круг действующих лиц описанной истории значительно расширяется, перед читателем предстают другие обитатели и гости поместья Ростанева. На первый взгляд, гости, собравшиеся в гостиной за чаем, – малозначительные второстепенные (или даже эпизодические) лица. Однако рассказчик обращает внимание читателей на некоторые детали их внешнего вида и поведения. Поведение гостей действительно примечательно. Первым Сергей Александрович представляет нам Павла Обносина: «Этот господин мне чрезвычайно не понравился: всё в нём сбивалось на какой-то шик дурного тона; костюм его, несмотря на шик, был как-то потёрт и скуден; в лице его было что-то как-

будто тоже потёртое. <...> Он беспрестанно прищуривался, улыбался с какою-то выделанною язвительностью, кобенился на своём стуле и поминутно смотрел на меня в лорнет; но когда я к нему поворачивался, он немедленно опускал своё стёклышко и как будто трусил» [2, 203]. По этим деталям становится понятно, что перед нами ещё один притворщик и лицемер. Обноскин изображает уверенного светского человека, его поведение выдаёт неуверенность (беспрестанно кобенился на стуле, как будто трусил). Ещё одна черта, о которой упоминает Сергей, говоря об Обноскине – язвительность. Эта язвительность проявляется впоследствии: Обноскин не упускает возможности посмеяться над полковником, Ежевикиным.

Мать Обноскина, Анфиса Петровна «толстая, совершенно расплывшаяся барыня, лет пятидесяти, одетая очень безвкусно и ярко, кажется, нарумяненная и почти без зубов, вместо которых торчали какие-то почерневшие и обломанные кусочки» [2, 203]. Последняя деталь (состояние зубов) пожалуй, наиболее точно описывает сущность госпожи Обноскиной. Обычно о людях, которым нельзя доверять, о подлых говорят, что этот человек гнилой, у Обноскиной же гнилые зубы. Мы ещё не видим, как эта героиня проявляет себя в общении, но уже по внешним деталям можем составить мнение о ней и понять, что, скорее всего от неё не стоит ждать чего-то хорошего. Далее Сергей Александрович говорит, что при разговоре Анфиса Петровна «беспрестанно пищала» (не говорила, а именно «пищала»). Вероятно, она настолько старалась придать своему голосу доброжелательный тон, что её речь попросту превращалась в писк. В случае с мадам Обноскиной мы снова наблюдаем неестественность, притворство. Как и её сын, Анфиса Петровна старается предстать перед другими не такой, какая она есть на самом деле.

В следующей главе появляется Евграф Ларионыч Ежевикин: «В комнату вошла, или, лучше сказать, как-то протеснилась (хотя двери были очень широкие), фигурка, которая еще в дверях сгибалась, кланялась и скалила зубы, с чрезвычайным любопытством оглядывая всех присутствовавших. Это был маленький старичок, рябой, с быстрыми и вороватыми глазками, с плешью и с лысиной и с какой-то неопределенной, тонкой усмешкой на довольно толстых губах». На первый взгляд, этот герой кажется шутком, наивным, неуклюжим и несколько трусливым, однако Ю. Г. Кудрявцев в своей книге «Три круга Достоевского» утверждает, что Ежевикин лишь играет роль шута: «Его роль — нечто подобное роли Ползункова.<...>. Но есть здесь один очень важный штрих — это «какая-то неопределенная тонкая улыбка». Ежевикин, как и Ползунков, унижается перед другими, но не ждет ни от кого деликатности. Да и «ползает» перед другими он несколько меньше. «Тонкость» его улыбки, на наш взгляд, является знаком того, что Ежевикин знает истинную цену и себе, и своему окружению. Таким образом, внешнее поведение не всегда (и даже, возможно, как правило) не соответствует внутреннему состоянию мыслей и чувств этого человека. Просто он очень ясно осознает суть собравшихся в доме и, хотя и внешне подстраивается под царящий здесь тон, на самом деле отделяет себя от окружающих. Такая коммуникативная стратегия как шутовство в данном случае является маской, скрывающей настоящего Ежевика. Это отражено и в его фамилии, которая семантически связана не с раболепием (ползать), а, напротив, напоминает о колючках (как у ежа) и о твердой косточке (как у ежевики). Этот человек прекрасно понимает окружающих, пожалуй, глубже, чем кто-либо другой. Жизнь, видимо, научила его так себя вести, предполагает Кудрявцев [4, 34]. Однако его приниженность только внешняя.

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство 1986. 445 с.
2. Достоевский Ф.М. *Село Степанчиково и его обитатели*. Москва: Сов. Россия, 1986. 560 с.
3. Константинова Н.В. К вопросу о пародийном фоне повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». *Сибирский филологический журнал*. 2014. С. 37-42.
4. Кудрявцев Ю.Г. *Три круга Достоевского*. Москва: Изд-во МГУ, 1991. 400с.
5. Олянич О. В. Театральность как категория политического дискурса [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnost-kak-kategoriya-politicheskogo-diskursa>
6. Чеботникова Т.А. Маска как модель поведения и риторический прием. Вестник Челябинского гос.ун-та. 2007. Вып. 14. № 11. С. 137 – 144.